

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

_____
(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

_____
(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Криминалистические аспекты обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии»

Студент

И.Ю. Деревцов

_____
(И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кондратюк

_____
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Работа посвящена криминалистическим аспектам обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии, в том числе организационным, процессуальным, теоретическим и законодательным проблемам в исследуемой области.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Введение посвящено обоснованию актуальности исследования криминалистических аспектов обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии, определению целей и задач, объекта и предмета исследования.

В первой главе дается общая криминалистическая характеристика выявления занятия высшего положения в преступной иерархии, в том числе, раскрываются вопросы, подлежащие выяснению при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, осуществляется анализ распространенности занятия высшего положения в преступной иерархии, механизма его слеодообразования, особенностей выявления и обнаружения.

Во второй главе рассматриваются тактика проведения отдельных процессуальных действий при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, в частности, назначение, производство и доказательственное значение судебных экспертиз при расследовании статусного лидерства, осуществление проверочных, оперативно-розыскных и иных мер расследования в целях разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Заключение предполагает краткое подведение итогов выпускной квалификационной работы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Криминалистическая характеристика выявления занятия высшего положения в преступной иерархии	7
1.1 Вопросы, подлежащие выяснению при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	7
1.2 Распространенность занятия высшего положения в преступной иерархии, механизм его слеодообразования, особенности выявления и обнаружения	15
Глава 2 Тактика проведения отдельных процессуальных действий при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	25
2.1 Возбуждение уголовного дела: осуществление проверочных, оперативно-розыскных и иных мер расследования.....	25
2.2 Назначение, производство и доказательственное значение судебных экспертиз при расследовании статусного лидерства	36
Заключение	50
Список используемой литературы и используемых источников	52

Введение

Актуальность темы исследования. Введение в 2019 г. нормы ст. 210¹ УК РФ говорит об усилении курса государства на борьбу с организованной преступностью [25]. Новая норма призвана нивелировать низкую эффективность ч. 4 ст. 210 УК РФ [22], связанную с трудностью установить связь лица, стоящего во главе преступной иерархии, с конкретным преступлением, поскольку она карает сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

С этой позиции представляет интерес исследование и оценка криминалистических аспектов обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии.

Если не анализировать такое явление, как занятие высшего положения в преступной иерархии, не совершенствовать законодательство и практику его применения в борьбе с этим явлением, то ресурсы и инфраструктура, вовлеченные в преступную деятельность, способны в буквальном смысле негативно отразиться на каждом из нас.

Степень научной разработанности темы исследования. Тему исследования нельзя назвать недостаточно изученной. Исследования проводились в основном в плоскости криминологии или уголовного права и квалификации преступлений. Криминалистическим аспектам обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии в теории уделяется мало внимания. Значительный вклад в этом смысле внесли в науку такие авторы, как Агапов П.В., Ишигеев В.С., Козловская М.Г., Лапша В.Л., Кондратюк С.В., Мондохонов А.Н., Пузикова А.В., Скобликов П.А., Смолькова И.В., Степанов-Егиянц В.Г., Федотова А.В., Шалагин А.Е., Шеслер А.В., Якушева Т.В. и др. Тем не менее, многие вопросы требуют дополнительной проработки, в связи с чем, тема настоящего исследования очень актуальна, с точки зрения, как теории, так и практики.

Объектом исследования являются процессуальные отношения в сфере обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии.

Предметом исследования стали правовые нормы, регламентирующие обеспечение выявления занятия высшего положения в преступной иерархии.

Цель и задачи исследования. Цель работы – исследовать криминалистические аспекты обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии. Для достижения цели автором поставлены следующие задачи:

- поставить вопросы, подлежащие выяснению при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии;
- выявить распространенность занятия высшего положения в преступной иерархии, механизм его следообразования, особенности выявления и обнаружения;
- установить особенности осуществления проверочных, оперативно-розыскных и иных мер расследования на стадии возбуждения уголовного дела;
- исследовать порядок назначения, производства и доказательственного значения судебных экспертиз при расследовании статусного лидерства;
- проанализировать законодательную регламентацию противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии.

Методология и методика исследования. В процессе написания работы применялись диалектический метод, метод сравнительно-правового исследования и системного анализа, юридико-догматический метод, методы синтеза и анализа.

Теоретическую основу исследования составили монографическая и учебная литература по криминалистике, теории уголовного права и процесса, доказательственного права, теории судебной экспертизы и криминологии; статьи в ведущих периодических изданиях; в рамках темы объекта настоящего

исследования.

Нормативную базу исследования составили действующее уголовное, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, законодательство об оперативно-розыскной деятельности, другие нормативно-правовые акты, регламентирующие обеспечение выявления занятия высшего положения в преступной иерархии.

Научная новизна исследования заключается в том, что теоретические выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем, связанных с вопросами обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии.

Структуру работы определили цели и задачи исследования. Работа состоит из введения, пяти параграфов, объединенных в три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Криминалистическая характеристика выявления занятия высшего положения в преступной иерархии

1.1 Вопросы, подлежащие выяснению при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

Нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а именно, ч. 1 ст. 73 УПК РФ перечисляет обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Если следовать рассуждениям проф. Возгина И.А., в данном случае речь идет о таком критерии формирования частной методики расследования, как уголовно-правовая квалификация преступления с учетом признаков его состава [3]. Он же, классифицируя указанные критерии, выделяет также криминалистический, который включает исследование обстановки совершения, способа, личностей преступника и потерпевшего и т.д. Однако не все исследователи согласны с применением последнего критерия [18].

Ишигеев В.С., Смолькова И.В., Пузикова А.В., соглашаются с необходимостью применения также и криминалистического критерия. В их исследовании проведен анализ, из которого видно, что у разных авторов совершенно различные критерии формирования криминалистической методики. Согласно же их собственному мнению, при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии требуется установить наличие криминальной микросреды и её лидера [31].

Если с необходимостью установления отношений преступника с криминальной средой в теории достигнуто определенное единогласие, то с указанной выше позицией относительно лидерства в преступном сообществе согласны не все теоретики. Некоторые авторы утверждают, что этот вопрос не является предметом ни криминологии, ни криминалистики и уголовного права и процесса, что это понятие социально-психологическое [31].

С указанной позицией можно подискутировать, так как криминалистика, будучи комплексной наукой, использует знания многих других наук [52]. В правовых исследованиях авторы акцентируют внимание на психологическом портрете преступного лидера, – это человек, для которого характерно стяжательство, показное расточительство, эпатажность, мнимая добропорядочность, властолюбие, аморальность [40].

Исходя из формулировки диспозиции ст. 210¹ УК РФ, доказыванию подлежит наличие преступной иерархии и лидерство в ней обвиняемого. Однако необходимо уточнить, какие именно вопросы подлежат выяснению при установлении обоих обстоятельств.

Авторы комментариев к УПК РФ считают, что для определения обстоятельств, подлежащих установлению, важно отграничить исследуемый состав от предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, и указывают, что, в отличие от последнего, в составе преступления по ст. 210¹ УК РФ необязательно устанавливать принадлежность лидера к определенному преступному сообществу (организации). Преступная иерархия может действовать на определенной территории или в определенной сфере преступного промысла. При этом, не исключается совокупность этих двух преступлений [36] [72].

Ишигеев В.С. и Лапша В.Л., наоборот, считают, что законодатель и Верховный Суд РФ необоснованно отождествляет лидера преступной группы и лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии [30]. Представляется, что оба изложенных выше подхода не в полной мере отражают позицию законодателя, так как, например, лицо, создавшее преступное формирование, может и не возглавлять его, а назначить лидера, власть в этом случае может передаваться по наследству, либо лидер может быть избран на сходке и т.п. Хотя, несомненно, субъект преступления по ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210¹ УК РФ может совпадать и порождать, например, совокупность преступлений по этим двум составам. Таким образом, различие составов состоит в их объективной стороне. Ч. 4 ст. 210 УК РФ криминализирует активные действия по созданию и руководству преступным

формированием, а ст. 210¹ УК РФ - сам статус лидера [76] [77]. Представляется, что и в том и в другом случае необходимо установление связей и функций внутри иерархии.

Однако, к сожалению, на практике, вопреки формулировке ст. 210¹ УК РФ, наличие иерархии, ее структура и связи не устанавливаются, обвинение нацелено лишь на установление у лица статуса лидера.

Вопрос о том, что подразумевается под высшим положением в иерархии, является дискуссионным.

В литературе выделяют такие наименования лидера, как «вор в законе», «положенец» и «смотрящий» [87]. Статус «вор в законе» присваивается преступным формированием и принадлежит лицу с момента прохождения специального ритуала («коронации») пожизненно либо до момента лишения его этого статуса самим же формированием. «Положенец» и «смотрящий» - временные «должности», на которые назначает преступное сообщество непосредственно «вор в законе» [41].

Зачастую информация о структуре преступной иерархии в материалах уголовного дела отсутствует. Такая ситуация, например, имела место в деле Озманова Ш.Т. (апелляционный приговор Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 г. № 55-357/2021 [13]).

В материалах некоторых дел такая информация имеется. Представляется, что ее источником могут быть свидетельские показания. Например, в Апелляционном определении Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 по делу № 55-630/2021 упоминается: «в своих показаниях свидетели и специалист сообщают сведения, ставшие им известными по роду их профессиональной деятельности, в том числе, относительно структуры преступной иерархии» [8].

Из пояснений свидетеля по уголовному делу № 2-7/2021, засматривавшемуся в Нижегородском областном суде, следует, что преступная среда имеет свою структуру, иерархию, принципы подчинения,

негласные правила и законы. Во главе преступной иерархии стоит «вор в законе», то есть «вор», потом «положенец», «смотрящий» и другие.

Из пояснений свидетеля по уголовному делу № 2-5/2021, которое рассматривалось в Вологодском областном суде, следует, что в каждом конкретном случае иерархические ступени выстраиваются различным образом: может быть подчиненность «бродяги» «смотрящему», либо «смотрящего» «положенцу», а может ее не быть, и при толковании статусов нужно исходить из практической деятельности.

В целях правильной квалификации, исключения возможности отмены приговора, вынесенного по ст. 210¹ УК РФ, привлечения большего числа доказательств, правоприменителю следует выявлять структуру преступной иерархии, устанавливать ее звенья и функции каждого звена, а Верховному Суду РФ дать нижестоящим судам разъяснения об этом.

В литературе также обоснованно предлагается устанавливать:

- когда, где и как обвиняемый занял высшее положение в преступной иерархии;
- умысел (прямой или косвенный) обвиняемого на занятие высшего положения в преступной иерархии [73].

С точки зрения умысла, авторы имеют в виду добровольное или принудительное принятие лицом статуса «вора в законе». Но, учитывая, что «случайных» людей в преступном формировании не бывает, и в подобных случаях лицо предпринимает определенные действия для приобретения указанного статуса [45], любой из перечисленных способов принятия указанного титула будет характеризоваться умыслом, не важно, в какой форме.

Анализируя судебную практику, можно говорить о том, что целесообразно устанавливать также период совершения преступления.

Например, обжалуя приговор Московского городского суда, защитник Озманова Ш.Т. утверждал, что в материалах уголовного дела речь идет о событиях 2015-2016 гг., уголовная же ответственность по ст. 210¹ УК РФ

введена с 12 апреля 2019 г. Поскольку закон обратной силы не имеет, сторона защиты считала, что обвиняемый не подлежит уголовной ответственности [13]. Но суд возразил: «После вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ обвиняемый, осознавая противоправность своих действий, продолжил занимать высшее положение в преступной иерархии, придерживаясь правил и обычаев, принятых в преступной криминальной среде». Из диспозиции ст. 210¹ УК РФ следует, что преступлением является сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Аналогичным образом сторона защиты возражала против обвинения по уголовным делам в отношении других обвиняемых [65].

В юридической литературе утверждается, что преступление является окончанным с момента фактического начала выполнения функций руководителя [36], то есть, с момента принятия и реализации им управленческого решения в преступном формировании. В теории отмечается, что лидер преступного формирования выполняет организационно-распорядительную, нормативную, судебную и карательную функции [38] [39]. Однако на практике установление факта наличия решений лидера установить затруднительно, учитывая высокую латентность рассматриваемого вида преступлений. Тем не менее, возможности уголовно-процессуального законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности позволяют установить и наличие решений лидера.

Например, свидетель по делу № 55-614/2021, которое рассматривал Саратовский областной суд, пояснял: «В декабре 2019 года посредством мобильных телефонов была организована видеоконференция, в которой участвовали из осужденные такие-то, в том числе, обвиняемый, в ходе которой последний назначил «смотрящим» по ИК-№, и это решение было доведено до осужденных». Указанные данные были получены при помощи проведения оперативно-розыскного мероприятия «Оперативное внедрение» (ст. 6 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Другой пример. Свидетель по уголовному делу № 55-630/2021, которое рассматривал Нижегородский областной суд, показал следующее: «В криминальном мире существует преступная иерархия, состоящая из «воров в законе», «положенцев», «смотрящих» и других. Лидером преступной иерархии является «вор в законе», который назначает «положенцев» и «смотрящих». Обвиняемый обладает в криминальном мире статусом «вор в законе», имеет уголовную кличку «Новик», контролирует и распределяет «общак», решает различные вопросы, конфликты, споры, в том числе финансовые и тюремные, выступая в качестве третейского судьи у лиц, имеющих отношение к криминальному миру. Его решения не оспариваются и обязательно выполняются». Свидетель обладает данными сведениями, так как неоднократно отбывал наказание виде лишения свободы, общался с обвиняемым и другими лицами из криминального мира, в таком-то году читал сообщение («прогон») о том, что обвиняемый стал «вором в законе» и на сегодняшний день он не видел сообщений, о том, что последний от этого статуса отказался. Если бы обвиняемый потерял данный статус он получил бы соответствующее сообщение, обязательно узнал бы об этом, так как общается в криминальном мире [8].

Так, по уголовному делу о занятии высшего положения в преступной иерархии целесообразно выяснить такие вопросы, как:

- факт отношения обвиняемого к преступной среде;
- наличие некоего преступного формирования с определенной иерархией, структуру иерархии, связи и функции в ней;
- сам факт и обстоятельства (когда, где, как, добровольно или принудительно и т.д.) занятия обвиняемым высшего положения в преступной иерархии;
- наличие управленческих и организационных решений лидера.

Вопросы, подлежащие выяснению при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии не просто теоретическая проблема, они требуют дополнительного разъяснения для правоприменителя.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» указывает на некоторые вопросы, подлежащие выяснению при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, в плоскости квалификации преступления по ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Верховный Суд разъясняет: «судам надлежит устанавливать занимаемое лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились его действия по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.».

Однако следует учитывать, что постановление пленума издано гораздо раньше, чем была введена ст. 210¹ УК РФ, и не является достаточным ориентиром для формирования предмета доказывания. Это является большой практической проблемой, что иллюстрирует судебная практика, которая, как подчёркивается в юридической литературе [63], не имея такого ориентира, пытается найти его внутри себя, через судебный прецедент. Во всяком случае, практика имеет примеры отмены судебных постановлений на том основании, что суд неправильно определил предмет доказывания.

Первый пример. Тверской областной суд рассматривал дело в отношении Атабекяна А.В., обвиняемого по ст. 210¹ УК РФ. На основании ст. 237 УПК РФ суд вернул уголовное дело прокурору, обосновав тем, что обвинительное заключение составлено с нарушением ст. 220 УПК РФ и не

позволяет положить его в основу приговора или иного итогового судебного акта. Суд указал, что обвинение не конкретно, так как в нем не раскрыты все признаки состава преступления, не определено понятие преступной иерархии, не указано, где, когда, при каких обстоятельствах обвиняемый до возглавления им преступной иерархии стал придерживаться принятых в преступном мире правил и традиций и стремиться получить статус лидера, какие действия на территории России в целом, и на территории Тверской области в частности, предпринимал для организации, планирования, руководства, контроля и координации преступной деятельности, не описан ритуал по занятию им вершины иерархии, не раскрыты его права и обязанности как лидера, не описан порядок информирования преступного сообщества о его избрании.

Указанные выше нормы, на основании которых уголовное дело было возвращено прокурору, применяются, когда недостатки обвинительного заключения невозможно устранить в ходе судебного разбирательства. Однако вышестоящий суд, отменяя постановление Тверского областного суда [33], указал на то, что указанные недостатки могли быть устранены в ходе судебного разбирательства, так как обязанность устанавливать признаки объективной и субъективной стороны состава возложена не только на органы следствия, но и на суд, а также указал следующее.

В обвинительном заключении указано, что в декабре 2016 г. Атабекян А.В. был «коронован» лидерами преступного мира на территории Греческой Республики и объявлен «вором в законе». Прибыв 26.06.2019 г. в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Тверской области сам объявил помощнику начальника учреждения, что является «вором в законе», обладает авторитетом в криминальной среде, и, находясь в СИЗО, стал пропагандировать противоправное поведение среди осужденных, за что также привлекается к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 321 УК РФ в рамках рассматриваемого уголовного дела.

Вышестоящий суд указал также, что в отечественном законодательстве не определены понятия высшего положения в преступной иерархии и вора в

законе, отсутствует какие-либо разъяснения порядка занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, в связи с чем судом первой инстанции следствию предъявляются невыполнимые требования.

Второй аналогичный пример содержится в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.08.2021 г. № 77-2869/2021 [65]. Думается, что это именно тот случай, когда ориентиром для второго примера послужил первый, судя по идентичным отдельным элементам текста судебных постановлений. В обоих примерах вопрос разрешился аналогичным образом – решения судов первой и апелляционной инстанций были отменены в кассационном порядке, а материалы уголовного дела переданы в суд первой инстанции на новое рассмотрение в ином составе суда.

Резюмируя изложенное, отметим, что информация о структуре преступной иерархии в материалах уголовного дела, как правило, отсутствует, что может препятствовать правильной квалификации, создает возможность отмены приговора, вынесенного по ст. 210¹ УК РФ и потери доказательств. Поэтому правоприменителю следует выявлять структуру преступной иерархии, устанавливать ее звенья и функции каждого звена, а Верховному Суду РФ дать нижестоящим судам разъяснения об этом.

Таким образом, Верховному Суду РФ необходимо дать разъяснения нижестоящим судам относительно обстоятельств, подлежащих установлению по делу, возбужденному по признакам состава, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ.

1.2 Распространенность занятия высшего положения в преступной иерархии, механизм его слеодообразования, особенности выявления и обнаружения

Статья 210¹ введена в УК РФ относительно недавно, поэтому особый интерес представляет реакция правоприменительной практики на эти изменения. Особенно актуальна тема в свете вынесения первого в России

обвинительного приговора по ст. 210¹ УК РФ и его оставление в силе в части привлечения к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ 02.06.2021 г. судом апелляционной инстанции [29]. За период 2019-2020 гг. информация о новых приговорах по этой статье отсутствует [22]. Однако судя по наличию в открытом доступе приговоров и промежуточных судебных актов о привлечении лиц к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ в 2021 году [4]; [65], можно предполагать, что статистика по итогам этого года покажет в 2022 году положительную динамику по сравнению с предыдущим периодом.

Какой-либо иной информации за 2021 год нет, так как сведения о результатах рассмотрения уголовных дел судами в первом полугодии 2021 года [22] объединены в ст. ст. 208-210.1 в графу «Бандитизм, организация незаконных формирований, банд и преступных организаций или участие в них», а сводная информация о судимости по ст. 210¹ УК РФ за 2021 год отсутствует.

Вывод о распространенности занятия высшего положения в преступной иерархии в целом сделать не представляется возможным. Анализу в данном исследовании подвергнута немногочисленная судебная практика, доступ к поиску которой открыт сегодня только в справочных правовых системах, поскольку в картотеках дел на сайтах судов зачастую не прикрепляются файлы с текстом приговоров и иных судебных решений по уголовным делам рассматриваемой категории.

Таким образом, вследствие значительного количества проблем и сложностей в доказывании занятия высшего положения в преступной иерархии, правоприменителю сложно бороться с этим явлением, что видно даже из статистики.

Учитывая относительную новизну состава ст. 210¹ УК РФ очевидно, что требуется разработка и совершенствование частной криминалистической методики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, несмотря на то, что кое-какие наработки в этой области имеются в связи с расследованием групповых или организованных преступлений [51] [52] [53]

[54], а также преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ после введения этого состава в 2009 г. [79].

Выяснение механизма слепообразования является большой практической проблемой при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210¹ УК РФ. Следствию удается выявить следы преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, зачастую только при привлечении лидера преступной иерархии к уголовной ответственности за совершение какого-либо общеуголовного преступления, по совокупности. Так было, в частности, в случае с Озмановым Ш.Т., которого привлекали также по ч. 1 ст. 222 и п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ [33].

В подобных случаях могут появляться следы в виде:

- пояснений либо поведения самого подозреваемого (обвиняемого) (позиционирование себя в качестве «вора в законе», использование воровского жаргона, кличек и т.п.);
- пояснений очевидцев, потерпевших;
- писем (так называемые «прогоны», нелегальная переписка осужденных, имеющая специфическую стилистику);
- татуировок на теле подозреваемого (обвиняемого), которые в криминальной среде наделяются смысловым значением о принадлежности их обладателя к «ворам в законе»;
- документов (справки и характеристики из мест принудительного содержания, документы о профилактическом учете, судимостях и т.п.);
- видеозаписей оперативно-розыскных мероприятий;
- аудиозаписей телефонных переговоров, подтверждающих выполнение лицом организационно-распорядительных (давал указания организовать перераспределение денежных средств, отвечал за всю деятельность заключенных в камере), нормативных (запрещал или поощрял делать что-либо, например, объявлять голодовку), судебных (указывал на того, кто не прав в той или иной

ситуации) и карательных функций (указывал на необходимость исполнения своих решений);

– найденных денежных средств (так называемого «общака») [47] и др.

Обобщая знания о типичных следах преступления по ст. 210¹ УК РФ Кондратюк С.В. классифицирует их на следующие виды: материальные, информационные (в коммуникационных сетях и иных источниках) и идеальные (в сознании людей), в зависимости от стадии приобретения преступным лидером такого статуса [48]. Кроме того, татуировки, жаргон, клички, аксессуары, исследователь объединяет в понятие «атрибуты статусного лидера», наделяя их также доказательственным значением [50].

Фиксация пояснений либо фактов поведения самого подозреваемого, подтверждающих и демонстрирующих им свой статус в качестве «вора в законе» в случаях, подобных «делу Озманова», может положить начало установлению механизма следообразования. Сам по себе факт руководства криминального авторитета доказать очень сложно. В литературе отмечается о невозможности доказывания статуса обвиняемого в качестве лидера преступной иерархии, если только он сам не подтвердил данный факт [14].

Исследования криминальной субкультуры говорят о следующем. Статус «вора в законе» может присваиваться самостоятельно (то есть, приобретаться добровольно) либо возлагаться преступным сообществом против воли «коронованного» лица. Одни источники утверждают, что отказаться от предложения стать «вором в законе» или отречься от этой «должности» невозможно, так как это считается оскорблением «воровского сообщества» [27] [32]. Другие источники говорят о том, что отказ от статуса вора в законе может быть добровольным [28] [43].

Однако сами представители преступного формирования могут допускать отступление от «понятий» во избежание уголовного преследования. Например, Озманов Ш.Т. по прибытию в СИЗО на беседе с оперативным работником утвердительно отвечал на вопрос о том является ли он «вором в законе», далее, в ходе следствия по делу о преступлении по ст. 210¹ УК РФ,

стал утверждать, что никогда не признавал себя таковым. В данном случае одним из доказательств вины Озмано́ва Ш.Т. стала видеозапись (в приговоре фигурирует протокол осмотра видеозаписи). В данном случае в уголовном деле имеется такое доказательство, как видеозапись с признанием обвиняемым своего статуса, которое в совокупности с другими доказательствами легло в основу обвинения. При разработке методических рекомендаций по выявлению и закреплению следов преступления, предусмотренного ст. 210¹ РФ, необходимо учесть потенциал видеозаписи как средства доказывания, в том числе, в местах принудительного содержания, помещениях органов внутренних дел, иных местах пребывания преступника.

Некоторые другие доказательства, несмотря на признание их судом допустимыми и относимыми, при иных обстоятельствах не смогли бы обеспечить предмет доказывания. Например, в том же «деле Озмано́ва» в перечень доказательств входила справка ФКУ СИЗО-1, согласно которой обвиняемый занимает высшее положение в преступной иерархии, приобретенное им в 2014 году по такому-то адресу.

Решением «сходки» может разрешаться отрицание «вором в законе» своего статуса для самозащиты в ходе допросов. В частности, такое решение было принято в Республики Грузия после принятия этим государством 20.12.2005 г. Закона «Об организованной преступности и рэжете» [14] [24].

В целом нахождение осужденного в местах изоляции от общества позволяет получить больший объем следов занятия им высшего положения в преступной иерархии, при этом характер таких следов будет специфическим. Поведение подозреваемого (обвиняемого, осужденного), зафиксированное на видеозаписях, наблюдение за ним сотрудников, протоколы осмотра и личного досмотра, акты осмотра составление рапортов о нарушении режима, постановлений о применении к нему дисциплинарного взыскания, действия, запечатленные в памяти очевидцев, аудиозаписи телефонных переговоров, - всё это может стать в дальнейшем доказательствами по уголовному делу.

Так как источниками следов занятия высшего положения в преступной иерархии в местах принудительного содержания являются в основном данные оперативного наблюдения учреждения, соответствующие рапорты и т.п., возражая в дальнейшем против обвинения, сторона защиты зачастую утверждает, что доказательства «сфальсифицированы» сотрудниками учреждения. Поэтому суду следствию и суду необходимо проверять причину возникновения таких следов, не являются ли они следствием конфликта, возникшего между обвиняемым и сотрудником учреждения. Приходится признать, что в некоторых случаях подобные конфликты служат пусковым механизмом начала сбора и фиксации следов.

Например, Приговором Верховного суда Удмуртской Республики от 12.08.2021 г. № 2-9/2021 осужденный был привлечен к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ и ч. 2 ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, совершенная в отношении сотрудника места лишения свободы в связи с осуществлением им служебной деятельности). Осужденного не вывели на прогулку в связи изменением расписания учреждения, что послужило поводом для агрессии со стороны осужденного, который начал толкать сотрудника и нецензурно выражаться в его адрес, оскорблять.

Одновременно с позиционированием себя в качестве лидера преступной иерархии преступник получает поддержку преступного сообщества, которая может трансформироваться в следы преступления и далее, - в доказательства по уголовному делу. Например, прогоны – сообщения о прибытии в исправительное учреждение «вора в законе» с его приветствием [9]. Дальнейшее их облачение в доказательственную форму осуществляется путем осмотра в установленном законом порядке, установления источника их возникновения, проведения необходимых экспертиз.

Приведенные факты иллюстрируют ситуацию, когда поиск и фиксация следов преступления по ст. 210¹ УК РФ зачастую становится возможным

только с момента заключения под стражу подозреваемого в связи с совершением им иного преступления, чем предусмотрено ст. 210¹ УК РФ.

Иной механизм слеодообразования имеет место в случае оперативной разработки лидера преступной среды.

Источниками информации о признаках рассматриваемого состава преступления могут быть пояснения очевидцев и потерпевших, сообщения о преступлении из различных источников, следы иного совершенного преступления и даже информация из Интернет-ресурсов [13] [5], поскольку, как отмечают исследователи, процедуры признания лиц статусными лидерами пользуется и информационной поддержкой [42].

Получение сведений из пояснений (показаний) очевидцев в таких случаях зачастую осуществляется путем внедрения в организованные преступные группы, в результате работы штатных негласных оперативных сотрудников и лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе в соответствии со ст. 12 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», что делает такие сведения, с одной стороны, сложно добываемыми, а с другой - особенно ценными. Существенную помощь в этом оказывают ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, ст. 166 УПК РФ, которые позволяют в целях обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц, а также лиц, участвующих в оперативных мероприятиях при проверке сообщений о преступлениях, не указывать в протоколе следственного действия данные об их личности, чем активно пользуются перечисленные лица.

Следует согласиться с проф. Белкиным Р.С. в том, что допрос свидетелей, потерпевших, подозреваемого, обвиняемого занимает особое место в системе доказательств и случит основным источником информации о преступном сообществе [1]. Допросу, как и опросу, следует уделять особое внимание при проведении доследственной проверки, планировании расследования и разработки тактики проведения самого указанного следствия

действия. Более подробно исследовать этот вопрос целесообразно в отдельном параграфе исследования.

Следует учитывать, что поиск следов должен быть ориентирован на максимально возможный объем их получения из самых разных источников, поскольку на стадии судебного разбирательства некоторые доказательства могут быть признаны недопустимыми.

Например, в деле № 55-357/2021 [13] по обвинению Озманова Ш.Т. в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, суд признал заключение специалиста, а также сведения, полученные при его допросе, недопустимым доказательством. В ходе допроса специалист подтвердил сделанные им в заключении выводы о том, что перманентные рисунки (татуировки), нанесенные на части тела обвиняемого, может нанести любой человек, руководствуясь личными предпочтениями. Однако специалисту не представлялись материалы уголовного дела, поставленные перед ним вопросы, не требуют наличия специальных знаний и не опровергают заключение проведенной по делу культурологической экспертизы.

При рассмотрении уголовного дела № 55-695/2021 [7], Третий апелляционный суд общей юрисдикции указал: «В ходе судебного разбирательства по уголовному делу судом был выявлен ряд процессуальных нарушений при оформлении оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и процессуальных документов, что повлекло признание ряда доказательств по делу недопустимыми, а остальные нарушения были устранены непосредственно в судебном заседании, что привело к затягиванию рассмотрения дела по существу. При указанных обстоятельствах суд обоснованно, в рамках своих полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, принял решение о вынесении указанного частного постановления в адрес органа следствия, уже после вынесения обвинительного приговора в отношении обвиняемого, в котором указанным нарушениям дана надлежащая оценка».

Несколько слов необходимо упомянуть о выявлении имущества, добытого преступным путем. В этом смысле представляет интерес упомянутый в исследовании Закон Грузии от 20.12.2005 г. «Об организованной преступности и рэкете» [24] в части вопроса о доказывании того факта, что имущество добыто путем участия в воровском сообществе: он постановляет, что имущество является таковым при отсутствии документов или иных доказательств, подтверждающих его получение правомерными средствами. Отечественному законодателю следует применять аналогичный режим в отношении имущества лиц, обвиняемых по ст. 210¹ и ч. 4 ст. 210 УК РФ, с учетом длящегося и специфического характера этих преступлений. В судебных актах, доступ к которым сегодня открыт, не встречается упоминаний о том, каким образом судом решался вопрос об имуществе, добытом преступным путем. В связи с этим можно предположить, что выявить такое имущество следствию не удалось.

Для консолидации практических рекомендаций по проведению оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий органам внутренних дел необходимо разработать практические рекомендации по выявлению и закреплению следов преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, в которых предусмотреть следующее:

- необходимо учитывать различия в механизме слепообразования занятия высшего положения в преступной иерархии в местах принудительного содержания и за их пределами;
- важно максимальное использование возможностей аудио- и видеозаписи при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;
- особое внимание требуется уделять опросу и допросу очевидцев, потерпевших, как основному источнику информации о преступлении, предусмотренном ст. 210¹ УК РФ;
- необходимо осуществлять контроль и анализ нелегальной переписки осужденных;

- требуется обращать внимание на характер татуировок на теле подозреваемого (обвиняемого) при его личном осмотре;
- максимально использовать возможности взаимодействия органов внутренних дел с иными органами исполнительной власти (например, ФСИН РФ) в целях оперативного обмена информацией и документами;
- целесообразен сбор следов преступления в как можно большем объеме, так как некоторые из них впоследствии могут быть признаны судом недопустимыми доказательствами;
- не пренебрегать информацией из неофициальных источников информации, таких, как информация из Интернет-ресурсов.

Обобщая результаты анализа правоприменительной практики, можно сделать вывод о том, что большая часть следов преступления, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, успешно трансформируются в доказательства по уголовному делу. Однако поскольку нарушения и проблемы существуют и могут появляться в дальнейшем, требуется их профилактика, которая может осуществляться, в том числе, с помощью предложенных в настоящем исследовании рекомендаций.

Глава 2 Тактика проведения отдельных процессуальных действий при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

2.1 Возбуждение уголовного дела: осуществление проверочных, оперативно-розыскных и иных мер расследования

В соответствии со ст. 140 УПК РФ, для возбуждения уголовного дела требуется наличие повода и основания [77]. Как видно из этой статьи, существует четыре разновидности поводов для возбуждения уголовного дела. Информация об обнаружении в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, обычно квалифицируется в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, как сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Например, в Апелляционном постановлении Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 30.12.2020 г. № 22к-893/2020 суд указал в качестве повода к возбуждению уголовного дела на рапорт оперуполномоченного по ОВД 1 отдела 1 ОРЧ полиции МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, а также сопроводительное письмо, подписанное врио начальника СЧ ГУ МВД России по СКФО [11] [12].

Судебная практика, приведенная в качестве примеров в предыдущей главе, также подтверждает то обстоятельство, что основным поводом для возбуждения уголовного дела служат сообщения, полученные из иных источников. Это подчеркивает латентность исследуемого вида преступлений, которая требует применения к их выявлению и расследованию специфических средств и методов.

В качестве основания для возбуждения уголовного дела суды указывают на материалы предварительной процессуальной проверки, которые содержат достаточные данные, указывающие на признаки преступления [11] (ч. 2 ст. 140 УПК РФ [76]). Для получения указанных данных необходимо использовать

возможности оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 6). Рассмотрим некоторые из этих мероприятий более детально.

Наиболее значимое, с нашей точки зрения оперативно-розыскное мероприятие, это опрос. Опрос называют средством оперативного и гибкого сбора информации.

Как отмечается в теории, опрос как оперативно-розыскное мероприятие схож по своему содержанию с допросом, который является следственным действием [56]. В этой связи авторами указывается на нарушение права на защиту при проведении опроса. Однако, во-первых, это не мешает приглашению подозреваемым адвоката за свой счет. Во-вторых, опрос, не являясь следственным действием, позволяет опрашиваемому лицу отказаться от участия в нем либо, участвуя, и не имея пока при этом никакого процессуального статуса, воспользоваться ст. 51 Конституции РФ, которая позволяет отказаться свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

В литературе отмечается, что данный вид оперативно-розыскных мероприятий не используется в доследственной практике, хотя, и заслуживает внимания [17]. Думается, что вывод об отсутствии практики применения опроса в рамках оперативно-розыскной деятельности не обоснован. Первичные сведения о совершенном или готовящемся преступлении невозможно получить иначе, как посредством опроса очевидцев, лица, предположительно совершившего преступление и иных лиц. Для получения таких сведений оперативные сотрудники могут применять различные методы психологического воздействия и приемы, например, в зависимости от оперативной ситуации [85], проводить опрос у опрашиваемого лица дома, приглашать на опрос в кабинет оперативного сотрудника по телефону, направлять повестку, хотя в рамках доследственной проверки последнее и не предусмотрено.

Поскольку уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные виды деятельности тесно связаны друг с другом, перетекают одна в другую, имеют общие цели и задачи (защита личности, общества и государства от притуплений), в теории акцентируется, что сбор информации, полученной в результате опроса, должен учитывать те же критерии, что и во время допроса, в частности:

- личность опрашиваемого, его психические особенности, наличие опыта совершения преступлений и общения с представителями правоохранительных органов;
- объем следов, подтверждающих вину опрашиваемого лица в занятии высшего положения в преступной иерархии или связи с ним;
- сведения о том, что опрашиваемое лицо находится в оппозиции к лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии;
- положение лица в преступной иерархии [55].

Указанные критерии помогут определить целесообразность проведения опроса, а также время, очередность и тактику его проведения в зависимости от оперативной ситуации.

В теории высказывается мнение о том, что сведения, полученные при проведении негласного опроса с использованием скрытой видеозаписи, не могут иметь доказательственного значения, а служат ориентирующей информацией для построения версий, разработки программ и планов расследования [71].

Однако в соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» [69], «полученные в результате ОРМ сведения должны быть представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. Например, произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества – подвергнуты экспертным исследованиям; лица,

участвовавшие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, - при необходимости допрошены в качестве свидетелей» [69].

Например, в апелляционном определении Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 17.12.2021 по делу № 55-695/2021 указано, что ОРМ «Опрос» был зафиксирован на видеозапись [7].

Несмотря на противостояние указанных выше авторов теоретических исследований, правоприменительной практике иного варианта фиксации следов и добычи доказательств, не усматривается (подтверждение слов подозреваемого в дальнейшем на допросах в ходе следствия по делу, в присутствии адвоката и т.д.). Материалы судебной практики как нельзя лучше прорисовывают причину такой ситуации, хотя она представляется очевидной. Например, в одном из судебных актов отражено следующее: «...В ходе беседы обвиняемый пояснил, что он не отказывался и до смерти не собирается отказываться от статуса вора в законе, присвоенного ему криминальным авторитетом. Однако официально во избежание уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии не будет утверждать об этом» [6]. Другой пример: «В судебном заседании обвиняемые вину в инкриминируемых им преступлениях не признали [9].

Подход, согласно которому обоснованность использования результатов негласных мероприятий не вызывает сомнений, также находит поддержку в литературе [35] и с ним следует согласиться.

Из приведенного анализа можно сделать вывод, что опрос как оперативно-розыскное мероприятие представляет собой добровольную беседу уполномоченного сотрудника с лицом, представляющим оперативный интерес. Данное определение представляется наиболее полным и не содержащим излишних признаков. Впрочем, некоторые авторы включают в понятие несущественные (лицо реально или вероятно обладает какими-либо сведениями [57]) или недостаточные признаки (опрашиваемое лицо – гражданин [78]), либо, избыточные признаки, относящиеся, например, к классификации опросов (в форме беседы, а также письменной или иной

невербальной форме; при непосредственном визуальном контакте с опрашиваемым лицом или без такого контакта [26]).

Следует отметить, что судебная практика часто использует слово «беседа» [60] вместо опроса, в связи с чем считаем необходимым законодательное закрепление и расширенную регламентацию опроса в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности.

Следующее оперативно-розыскное мероприятие – наведение справок. Относительно содержания данного оперативно-розыскного мероприятия в криминалистике еще меньше определенности. Одни авторы определяют наведение справок как действия, направленные на получение устной информации в государственных органах и иных организациях, предположительно обладающих сведениями, представляющими оперативный интерес [20]. Другие называют наведением справок непосредственное изучение документов, представляющих оперативный интерес, и направление запросов о предоставлении таких сведений в государственные органы и учреждения (организации). При этом, к наведению справок автор приравнивает детализацию телефонных соединений, подчеркивая, что она требует решения суда в отличие от иных действий по наведению справок [56]. Представляется, что «детализация телефонных переговоров» более близка такому ОРМ, как «снятие информации с технических каналов» связи, а «непосредственное изучение документов, представляющих оперативный интерес» – в сущности представляет собой «исследование предметов и документов».

Следует согласиться с позицией авторов, которые определяют наведение справок как оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в получении информации, имеющей значение для решения конкретных задач ОРД путем направления запроса юридическому или физическому лицу, располагающему или могущему располагать таковой, а равно и ее получение. Далее авторы уточняют, что получение информации осуществляется путем непосредственного ознакомления с соответствующими материальными

носителями, в том числе, из оперативных, и иных баз данных (учетов), информационных систем и других источников [57]. Последнее также можно отнести, скорее, к исследованию предметов и документов.

Судебная практика исходит из того, что наведение справок всё-таки представляет собой направление письменных запросов и получение ответов на них. В частности, апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.09.2021 по делу № 55-614/2021 содержит такой текст: «ОРМ «наведение справок», по результатам которого получена копия «прогона», проведено оперативными сотрудниками СИЗО в соответствии со статьей 89 УПК РФ, статей 6, 11-15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», их результаты представлены с соблюдением «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», а осмотр копии «прогона», представленной оперативным сотрудником, признание его вещественным доказательством, произведены с соблюдением положений статей 81, 84, 170, 176, 177, 180 УПК РФ, ввиду чего оснований для исключения указанных материалов уголовного дела из числа доказательств, не имеется» [66].

Информацию о практике получения образцов для сравнительного исследования как оперативно-розыскного мероприятия, к сожалению, невозможно получить, изучив имеющиеся в свободном доступе судебные материалы. В апелляционном приговоре Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 № 55-357/2021 [13] упоминается протокол получения образцов для сравнительного исследования, согласно которому у обвиняемого получены образцы буккального эпителия для установления принадлежности биологических следов человека (слюны) на окурке сигареты путем проведения биологической экспертизы. Из текста приговора нельзя установить, на какой стадии были изъяты указанные образцы, поскольку аналогичное наименование имеет следственное действие, которое может

проводиться на стадии предварительного следствия и на судебной стадии (ст. 202 УПК РФ).

Об исследовании предметов и документов также сложно судить, исходя из того, чем мы располагаем, благодаря судебной практике. Чаще всего в ней упоминается осмотр. Например, в апелляционном определении Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.09.2021 по делу № 55-614/2021 говорится об осмотре копии «прогона», представленной оперативным сотрудником [66]. В апелляционном определении Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.11.2021 № 55-783/2021 также имеет место описание осмотра «тюремных прогонов» [9]. Приговоры содержат также протоколы осмотра аудиозаписей – результатов ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» [7], осмотра оперативных видеозаписей [8]. Ст. 176 УПК РФ предусматривает проведение осмотра, в том числе, до возбуждения уголовного дела.

Большой интерес представляет оперативно-розыскное мероприятие «Наблюдение». Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.09.2021 по делу № 55-614/2021 [66] содержит подробное описание механизма применения этого ОРМ.

«Сотрудниками ОБОП УУР ГУ МВД в тюрьме проведено оперативно-розыскное мероприятие «Наблюдение» с использованием аудио- и видеозаписи, его результаты зафиксированы в справке, с приложением стенограммы разговора двух сотрудников полиции с осужденным. Результаты мероприятия были рассекречены в установленном законом порядке на основании постановления начальника ГУ МВД России и предоставлены органу следствия. Приобщенная стенограмма разговора проверена следователем в ходе осмотра, а затем судом в ходе судебного заседания путем просмотра видеозаписи, полученной в ходе наблюдения, после чего осужденный подтвердил свое участие в этом разговоре. Из этого разговора следует, что осужденный считает себя лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии – «вор в законе». Сотрудник полиции также

подтвердил свое участие в разговоре с осужденным в рамках оперативно-розыскного мероприятия». В определении суда приводится текст разговора, который ввиду его большого объема нет возможности включить в текст настоящего исследования, однако в исследовательских целях он представляет большой интерес.

Прослушивание телефонных разговоров производится на основании решения суда и, исходя из приведенных выше примеров используются и очень распространены в практике расследования преступлений, предусмотренных ст. 210¹ УК РФ. Интерес представляют способы закрепления и использования результатов этого ОРМ на последующих этапах процесса. Например, в ходе рассмотрения уголовного дела Четвертым апелляционным судом общей юрисдикции [8] были проведены лингвистические судебные экспертизы фонограммы речевой ситуации в аудиофайле телефонного разговора, в которых устанавливались события, о которых шла речь в разговоре, определялась субординация и намерения собеседников. В ходе рассмотрения дела Третьим апелляционным судом общей юрисдикции [7] по инициативе суда был осуществлен перевод телефонного разговора на русский язык.

Иногда о применении такого ОРМ, как прослушивание телефонных разговоров, можно судить лишь о фрагментах сведений о нем в судебных актах. Например, в Апелляционном определении Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 14.12.2021 г. по делу № 55-665/2021 [6] содержится оценка судом возражений защитника по делу (в ходе оперативных мероприятий не был обнаружен телефон или сим-карта, с которого осуществлялись звонки): «Первоисточником, подтверждающим факт осуществления звонков и содержание телефонных разговоров за период с такой-то между свидетелем Свидетель № 5 и иными лицами, является не сим-карта мобильного телефона, а аудиозапись разговора, записанная в ходе проведения ОРМ на электронный носитель – CD-R-диск... ОРМ проведено с соблюдением закона» [6]. Из смысла данного текста следует, что речь идет именно об ОРМ «Прослушивание телефонных разговоров».

Таким образом, применение ОРМ «Прослушивание телефонных разговоров» имеет большой доказательственный потенциал, поэтому представляется важным продолжать использовать его также широко.

Что касается такого ОРМ, как снятие информации с технических каналов связи, необходимо отметить следующее. В Апелляционном определении Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 по делу № 55-630/2021 указано, что данные детализации телефонных соединений абонентских номеров из ПАО «Билайн» закреплены в протоколе осмотра предметов (документов) с фототаблицей [8]. В сущности, речь идет либо о снятии информации с технических каналов связи, либо о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). Но, поскольку из текста судебного акта не очевидно, на какой стадии проводилось описанное действие, то и сделать вывод об использовании такого ОРМ, как снятие информации с технических каналов связи, в данном случае не представляется возможным.

Не углубляясь в дискуссию об определении понятия оперативного внедрения, возьмем за основу предложенное коллективом авторов омского учебного издания, согласно которому данное мероприятие заключается в проникновении в преступную среду сотрудника оперативного подразделения или лица, оказывающего содействие на конфиденциальной основе для решения задач ОРД [57]. Согласно результатам опроса, проведенного среди оперативных работников уголовно-исполнительной системы, в числе наиболее эффективных способов, - взаимодействие с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие [74]. Оперативное внедрение – сложный и опасный для внедренного лица механизм, который требует дополнительных гарантий защиты конспиранта. Однако, как отмечается в литературе, действующее законодательство (в частности, автор говорит об обстоятельствах, исключающих преступность деяния) не обеспечивает этой защиты в достаточной мере и не предусматривает четкого механизма реализации программы защиты внедренных лиц [23]. С первым доводом

можно согласиться. Видимо, законодатель из опасений злоупотребления правом не наделил соответствующих лиц правом участвовать в действиях, образующих состав преступления, не зависимо от причин совершения таких деяний. Относительно второго довода можно поспорить (думается, что позиция автора была сформирована, когда практика применения соответствующего механизма еще не была отработана). Лица, законспирированные в целях оперативного внедрения для сбора сведений о деяниях, содержащих признаки состава ст. 210¹ УК РФ, после возбуждения уголовного дела приобретают статус свидетелей и пользуются защитой соответствии с федеральным законом от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Например, так было при рассмотрении уголовного дела № 55-695/2021 [7] и уголовного дела № 55-665/2021 [6], о которых упоминалось выше.

Наряду с оперативным наблюдением в указанных уголовных делах был применен оперативный эксперимент. Он заключается в контроле за поведением лица в искусственно созданных оперативными работниками условиях для осуществления преступной деятельности [16]. Существуют и иные дефиниции этого понятия в юридической литературе [57], что еще раз подчеркивает необходимость разработки и правовой регламентации понятийного аппарата оперативно-розыскной деятельности.

В тексте судебного акта по делу № 55-695/2021 [7] эти два мероприятия никак не разграничены, упоминаются перечислением. В определении по делу № 55-665/2021 [6] это мероприятие описывается довольно подробно через показания свидетеля. Целью мероприятия было выяснение степени влияния лиц, в отношении которых осуществлялась оперативная разработка (подозреваемый и свидетель), на преступную среду. Внедренный сотрудник, выдавая себя за коррумпированного сотрудника полиции, встретился с указанными лицами под предлогом помощи в борьбе с распространением наркотиков. В ходе общения разрабатываемые заявили о своей готовности к

выездам назначить смотрящих, контролировать через них каналы сбыта наркотиков и расширения сферы своего влияния на преступную среду, за содействие в этом они предлагали «коррупционному сотруднику полиции» разные подарки, в том числе автомобиль БМВ Х5. Далее описывается сходка в ресторане, на которой был назначен смотрящий.

В целом судебные акты не всегда отражают хронологию установления истины по делу, не раскрывают все доказательства по делу, и даже не всегда содержат краткое изложение решения суда первой инстанции, несмотря на то, что этого требует п. 5 ч. ст. 389.28 УПК РФ. Однако, поскольку это не влечет отмену или изменение судебного решения, с таким явлением бороться сложно.

Таким образом, поводом для возбуждения большинства уголовных дел по ст. 210¹ УК РФ являются «сообщения из иных источников». Для проверки таких сообщений целесообразно привлекать всевозможные оперативно-розыскные меры. Из анализа имеющейся судебной практики можно судить о том, что наиболее часто при проверке сообщений о занятии высшего положения в преступной иерархии применяются такие ОРМ, как опрос, наведение справок, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, оперативное внедрение, оперативный эксперимент.

Учитывая законодательную и теоретическую неопределенность относительно содержания понятий о каждом виде оперативно-розыскных мероприятий, правоприменителю следует включить в федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» отдельные статьи о понятии, содержании и порядке проведения оперативно-розыскных мероприятий, указанных в ст. 6 этого закона. Результаты ОРМ закрепляются соответствующими протоколами, справками, постановлениями, что в последующем придает им силу доказательства по уголовному делу, о чем всегда должны помнить лица, которые проводят данные мероприятия.

2.2 Назначение, производство и доказательственное значение судебных экспертиз при расследовании статусного лидерства

Когда в материалах дела имеется заключение эксперта, устанавливающее обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в совокупности с другими доказательствами оно способно в большой степени содействовать установлению истины по делу. Суд не обладает специальными познаниями, исходя из чего соответствующее заключение априори принимается судом за истину, если оно не оспорено.

Например, судебно-психологическая экспертиза, которая в том числе, проводится по делам исследуемой категории, направлена на исследование непатологических явлений психики и проводится преимущественно в отношении психически здоровых людей, в отличие от психиатрической [70].

Проведение судебно-психиатрической экспертизы, отмечают теоретики, необходимо, так как девиантное поведение, жестокость может являться следствием психических отклонений, заболеваний [60]. Но, в первую очередь, это требование п. 3 ст. 196 УПК РФ. И в обозначенной статье, а также в федеральных законах «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (п. 1 ст. 62), «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ст. 14), «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 19) используется термин «судебно-психиатрическая экспертиза».

В теории также утверждается, что понятие лидерства является не уголовно-правовым или криминологическим, а социально-психологическим, в связи с чем исследователи предлагают проводить судебно-психологическую экспертизу подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ [31]. Умысел при совершении подобных преступлений характеризуется осознанием лицом своего лидерства в преступной иерархии, а также факта его использования. По нашему мнению, это те индикаторы, которые укажут на отношение лидера преступного мира к

событию его причисления к такому статусу, что является предметом судебных психолого-психиатрических экспертиз и в конечном счете - предметом доказывания, как отмечает Кондратюк С.В. [37] [49].

В принципе законодательство разводит эти два вида экспертиз. Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р, Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденный Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237 также перечисляют отдельно судебно-психологическую и судебно-психиатрическую экспертизу.

На практике с целью установления вменяемости лица, привлекаемого к уголовной ответственности, возможных психических отклонений и т.п., по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии суд назначает комплексные психолого-психиатрические экспертизы.

Например, такая комплексная амбулаторная экспертиза проводилась в ходе расследования по уголовному делу в отношении Бенидзе [10].

Подобные экспертизы могут проводиться, когда вопрос вменяемости лица связан с употреблением им психоактивных веществ.

Например, из заключения амбулаторной судебной комплексной психолого-психиатрической комиссионной экспертизы по делу № 2-3/2021 (Пензенская область) следует: «На момент совершения инкриминируемого деяния и на момент освидетельствования обвиняемый обнаруживал признаки психической и физической зависимости от опиоидов (средняя стадия зависимости), в настоящее время воздержание (ремиссия более 20 лет), при этом указанное психическое расстройство не лишало и не лишает его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими ... У него не обнаруживались и не обнаруживаются признаки хронического или временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики,

лишающие его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими ...».

Следует подчеркнуть, что при назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы в данной случае необходимо ставить перед экспертом не только вопрос о вменяемости лица, наличии у него психических отклонений или зависимостей, но также и вопросов, позволяющих установить или опровергнуть осознание лицом своего лидерства в преступной иерархии, а также факта использования функций лидера. Соответствующую рекомендацию Верховный Суд РФ должен дать нижестоящим судам в постановлении Пленума.

Иногда из текста судебного акта можно понять, что такие вопросы перед экспертом всё же ставятся, однако это происходит при назначении экспертиз иного рода.

В деле Асатряна, к примеру, имели место психолого-лингвистические экспертизы, из которых следовало, что обвиняемый относит себя к группе «воры». В данном случае это косвенное доказательство было учтено судом в совокупности с иными сведениями, подтверждающими его вину.

Предметом лингвистических экспертиз, в отличие от судебно-психологических и психиатрических, является не физическое лицо, а тексты, аудио или видеозаписи с зафиксированными на них событиями или переговорами. Такие экспертизы проводятся довольно часто, учитывая фигурирование в делах о занятия высшего положения в преступной иерархии таких следов преступления, как аудио и видеозаписи, о которых говорилось в предыдущей главе исследования. Особенность таких экспертиз в применении специальных познаний в языкознании и судебном речеведении с целью, например, установления оценки личности, определения характера высказываний и т.п. [67]

Например, из выводов заключений судебных лингвистических экспертиз по делу №55-630/2021 [8] следует: «В представленной на фонограмме речевой ситуации (в аудиофайле телефонного разговора) обвиняемый выступает по

отношению к собеседнику в роли человека, обладающего большей компетенцией, более осведомленного... Собеседник запрашивает разрешение у обвиняемого использовать его влияние и авторитет.

Событие, о котором идет речь: встреча между группой лиц (в которую входит собеседник), которая приехала из другого города в город, где находится обвиняемый и предприниматели.

В следующей фонограмме разговора обвиняемый ... указывает собеседнику действия, которые необходимо совершить. Событие, о котором идет речь: обращение к обвиняемому женщины, занимающейся предпринимательской деятельностью, от которой группа лиц требует долю выручки.

В фонограмме разговора обвиняемый выступает по отношению к собеседнику в роли высшего по положению в иерархии, авторитета...

Событие, о котором идет речь: третье лицо сообщило неизвестным лицам несоответствующую действительности, по мнению собеседников, информацию.

В фонограмме разговора обвиняемый... информирует о развитии известной ситуации, связанной с третьим лицом.

Событие, о котором идет речь: выражение собеседником резкого осуждения, неодобрения в отношении третьего лица за совершение последним неназванных, но известных собеседникам, действий, поступка».

Указанные объекты исследуются также в рамках фоноскопических экспертиз, которыми устанавливается принадлежность голосов, сведения о наличии или отсутствии монтажа записей и т.п. [66] Например, в судебном акте по делу № 55-783/2021 установлено: «Осмотренные видеозаписи из интернет-ресурса... обоснованно положены судом в основу приговора, поскольку непосредственно в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции Ж.В. подтвердил, что на данных записях на вопросы отвечает именно он. Доводы стороны защиты о наличии признаков монтажа опровергаются соответствующим заключением эксперта» [9].

Татуировки на теле обвиняемого, выступая объектом культурологической экспертизы, также являются атрибутом преступного лидерства [46] и имеют доказательственное значение [13]. В некоторых приговорах имеется их подробное описание: «Из заключения криминалистической судебной экспертизы ... следует, что татуировка на теле Асатряна в виде паука, ползущего вверх, означает, что ее носитель является профессиональным преступником, который не намерен прекращать преступную деятельность; восьмиконечная звезда на брюшке и на коленях паука означает, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии – «вор в законе».

В деле № 55-614/2021 [66] анализ татуировок проводился в рамках лингвистической экспертизы, что представляется не корректным ввиду специфики предмета исследования, тем более, что в судебном акте имелось описание рисунков, а не, к примеру, переговоров о них.

Возможно проведение и иных видов экспертных исследований по уголовным делам исследуемой направленности, если требуется применение специальных познаний в иных областях (например, если возможна и требуется почерковедческая экспертиза «прогона», технико-криминалистическая экспертиза изъятых документов) либо требуется применение этих знаний при совершении лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии иного преступления, например, преступления против личности.

В частности, в деле Озманова проводилась баллистическая экспертиза, так как он был осужден по совокупности с п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, путем применения огнестрельного оружия. В иных случаях могут назначаться и проводиться трасологические экспертизы, экспертизы холодного оружия и др.

Таким образом, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210¹ УК РФ чаще всего проводятся экспертизы следующих видов:

- комплексная,
- психолого-психологическая,
- лингвистическая,

- культурологическая,
- фоноскопическая.

Однако наименование экспертиз в судебных актах не всегда отражают их суть, что требует дальнейшего совершенствования правоприменительной практики.

Для установления умысла при расследовании по ст. 210¹ УК РФ представляется целесообразным при назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы ставить перед экспертом не только вопрос о вменяемости лица, наличии у него психических отклонений или зависимостей, но также и вопросов, позволяющих установить или опровергнуть осознание лицом своего лидерства в преступной иерархии, а также факта использования функций лидера. Соответствующую рекомендацию Верховный Суд РФ должен дать нижестоящим судам в постановлении Пленума.

Глава 3 Законодательная регламентация противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии

Законодательная регламентация противодействию занятию высшего положения в преступной иерархии, прежде всего, сформирована в Уголовном кодексе РФ как в единственном источнике уголовного права. Поскольку кодекс в этом смысле является фундаментальным документом, его норма, запрещающая занятие высшего положения в преступной иерархии, не должна допускать никаких неясностей и двусмысленного толкования. Именно потому, что на сегодняшний день этого не достигнуто, существует широкий простор для совершенствования законодательной регламентации противодействию занятию высшего положения в преступной иерархии.

Многочисленные дискуссии по поводу определения понятия преступной иерархии является не просто теоретической проблемой, а большим правовым пробелом. Отсутствуют какие-либо указания Пленума Верховного Суда РФ, а также примечания к статье 210¹ УК РФ по поводу трактовки этого оценочного понятия.

Между тем, судебная практика имеет случаи возвращения материалов уголовного дела прокурору по причине того, что в обвинении не раскрыты понятия «преступная иерархия» и «высшее положение в преступной иерархии» (в дальнейшем соответствующее постановление суда было отменено с направлением на новое рассмотрение в ином составе суда. При этом вышестоящий суд указал, что суд первой инстанции необоснованно не мотивировал невозможность устранения перечисленных недостатков обвинения в судебном разбирательстве [33]). Этот пример иллюстрирует недоработку законодателем понятийного аппарата гипотезы исследуемой нормы и неожиданное перекладывание решение этого вопроса на правоприменителя.

Для выработки рекомендаций по совершенствованию нормы 210¹ УК РФ, следует, руководствуясь законами формальной логики, выявить

существенные признаки понятия «преступная иерархия», из которых – сформулировать определение данному понятию и ввести соответствующее примечание к статье.

В теории существует два подхода к преступной иерархии:

- преступная иерархия в целом, как мир, существующий параллельно с государством [63]; [87];
- преступная иерархия объединений организованных преступных групп на определенной территории или в определенной сфере преступного промысла [72].

Противопоставление данных подходов не представляется целесообразным для целей настоящего исследования, скорее, имеет философский характер. Теоретически преступная иерархия способна достичь масштабов государства и транснационального уровня [41], если не пресекать ее рост.

С другой стороны, преступная иерархия не ограничивается конкретной сферой преступного промысла. Мотивы преступлений корыстные и морально-нравственная оценка способов достижения цели, стоящей перед преступным сообществом, мало интересует его представителей.

Так, в целях дефиниции понятия преступной иерархии правильнее было бы рассматривать ее без привязки к конкретной территории, сфере преступного промысла или иным связанным с преступной иерархией аспектам. Эти аспекты, скорее, можно было бы использовать в качестве критериев при разработке классификаций преступных сообществ.

Начиная исследовать само понятие «иерархия», следует отметить, что и здесь существуют разночтения.

Согласно новейшему философскому словарю, «иерархия» от греч. *hieros* – священный и *arche* – власть – означает принцип структурной организации многоуровневых систем, состоящий в упорядочении взаимодействий между уровнями бытия по закону от высшего к низшему (инволюция) и, наоборот, от низшего к высшему (эволюция) [64].

Следует согласиться с тем, что иерархия представляет собой именно систему, состоящую из элементов.

Некоторые другие словари также толкуют иерархию как расположение элементов от высшего к низшему [19].

Большинство энциклопедических и справочных изданий выделяют, как представляется, главный признак иерархии – соподчинение [75]. Этот признак присутствует в определениях, которые авторы дают преступной иерархии [2] [41] [72] [87].

Однако следует подчеркнуть, что иерархия характеризуется не только отношением подчинения, но и иными видами взаимоотношений, иными словами, в иерархической системе элементы взаимодействуют не только по вертикали, но и по горизонтали, о чем также есть упоминания в литературе [15] [87].

Мондохонов А.Н., Якушева Т.В., Кондратюк С.В. и иные авторы указывают в качестве признака приверженность представителей преступной иерархии принятым в криминальной среде правилам и традициям [61] [83] [87]. Действительно, криминальная субкультура обеспечивает устойчивость и преемственность криминогенного поведения социальных групп. Думается, что отсутствие данного признака сделало бы невозможным характеристику иерархии в качестве преступной. Этот важный аспект является также одним из элементов предмета доказывания.

Например, в приговоре Саратовского областного суда было указано: «специалист подтвердил, что согласно существующим в криминальной среде процедуре и традициям признание («коронация») «вором в законе» осуществляется на «воровской сходке» другими «ворами в законе». Лишить «вора в законе» этого статуса может только «воровская сходка» [66], далее суд указывает, что из показаний оперативных сотрудников следует, что такого-то числа обвиняемый был объявлен «вором в законе».

В теории рассматриваются также следующие признаки преступной иерархии, которые являются несущественными, в сущности, производными от перечисленных выше существенных признаков:

- устойчивость;
- сложная структура;
- руководство преступным формированием сильным авторитарным лидером;
- разделение функций;
- строгая дисциплина [62] [80] [82] и др.

Таким образом, доктринальное определение понятия преступной иерархии, предложенное Мондохоновым А.Н. полностью отвечает требованиям формальной логики. Преступная иерархия, согласно этому определению, представляет собой систему, с подчинением и взаимоотношением лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций. Представляется целесообразным использовать именно такое определение для конкретизации преступного деяния в примечании к ст. 210¹ УК РФ.

Структура преступной иерархии может быть различной в зависимости от вида преступного формирования.

В отечественном уголовном законе закреплены два вида организованного соучастия - организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК) и преступное сообщество (преступная организация) (ч. 4 ст. 35 УК).

Организованной группой признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, а преступным сообществом (преступной организацией) - структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой, или иной материальной выгоды.

Понятие преступная иерархия рассматривается применительно к структурированной группе, то есть – к преступному сообществу (преступной организации).

Структура, как правило, предполагает наличие высшего руководящего уровня, среднего организационно-контрольного уровня и низшего исполнительного уровня [59].

При этом, руководящий уровень может быть представлен не одним, а двумя лидерами, как, например, в известной питерской преступной группе неонацистов Боровикова – Воеводина, где присутствовал лидер-организатор и лидер-исполнитель [82].

К тому же иерархическая структура преступного формирования не статична, она может меняться [3].

Некоторые исследователи подчеркивают, что преступная иерархия осужденных содержащихся в местах изоляции, и преступников на свободе, также существенно различается [81].

В утратившем силу Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 10.06.2008 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» акцентировалось внимание судов на особую структуру преступного сообщества как проявление его сплоченности (например, руководитель, совет руководителей, исполнители отдельных заданий), наличие руководящего состава, распределение функций между его участниками.

Проблема определения понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии вытекает из описанной выше проблемы. Представляется, что уяснение сути понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, также возможно через определение понятия преступной иерархии, данного выше, в совокупности с анализом понятия лидера.

Понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, является оценочным, о чем неоднократно утверждалось в исследованиях

различных авторов [31]; [63]. Именно поэтому его следует понимать через призму лидерства.

Согласно толковым словарям, лидер (от англ. Leader – ведущий, первый, идущий впереди) – лицо в какой-либо группе (организации), пользующееся большим, признанным авторитетом, обладающее влиянием, которое проявляется как управляющие действия [86].

В теории права называют преступными лидерами лиц, обладающих организационно-распорядительными функциями и безоговорочным авторитетом у носителей криминальной (воровской) идеологии, соблюдающих правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим [41] [44] [84]. Данное определение может быть также использовано в примечании к ст. 210¹ УК РФ.

В литературе не единожды говорилось о важности критериев, на которые следует обращать внимание при определении лидера преступной среды. Среди таких критериев можно выделить чисто юридические, к которым следует относить, например, наличие судимости, в том числе, непогашенной, рецидив преступлений, совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления один раз, систематическое привлечение к административной ответственности [58], состояние на профилактическом учете соответствующей направленности и наличие дисциплинарных взысканий в исправительном учреждении. Наряду с перечисленным требуют внимания социальные критерии, такие, как наличие алкогольной или наркотической зависимости, наличие признаков принадлежности к преступной субкультуре (использование аргументов преступников, специфические татуировки на теле и т.п.) [31]. Для отбора и сортировки кандидатов в лидеры на стадии предварительного расследования необходимо обращаться к статистике, которая может помочь выявить дополнительные критерии и обладающих ими лиц. Хотя, разумеется, подобные критерии довольно условны [58].

В исследовании упоминался Закон Грузии от 20.12.2005 «Об организованной преступности и рэкет» [24]. Он определяет понятия «вор в

законе», «воровское сообщество», «воровская разборка», «член воровского сообщества» (ст. 3), «члены семьи, близкие родственники, лица, связанные с рэкетиром или членом воровского сообщества» (ст. 4), определен порядок доказывания того обстоятельства, что имущество добыто путем рэкета или участия в воровском сообществе, установлен порядок его конфискации (ст. 5). Некоторые из перечисленных выше понятий следует заимствовать российскому правоприменителю для разъяснения судам при рассмотрении уголовных дел по рассматриваемым видам преступлений. В частности, следует обратить внимание на следующие понятия:

- «воровской сход» – сбор двух или более лиц, или сообщение между ними в любой форме (в том числе, посредством электронной коммуникации) в целях рассмотрения/разрешения вопросов, связанных с вступлением в члены или прекращением членства «воровского сообщества», изменения статуса или любых вопросов (в том числе, касающихся распоряжения финансовыми/материальными ресурсами), связанных с деятельностью «воровского сообщества»;
- «воровская разборка» – оценка деяния лица членом «воровского сообщества»/ «вором в законе» или(и) рассмотрение/разрешение в любой форме (в том числе, посредством электронной коммуникации) спора с целью осуществления деятельности «воровского сообщества» [24].

Не углубляясь в сравнительно-правовой анализ, следует отметить, что этот закон оказался эффективным, что подтверждают теоретики и Европейский суд по правам человека [34]; [68]; [80].

Таким образом, законодательная регламентация противодействию занятию высшего положения в преступной иерархии требует совершенствования. Для конкретизации признаков состава ст. 210¹ УК РФ требуется ввести в УК РФ примечание к данной статье, в которой необходимо отразить следующий понятийный аппарат.

Преступная иерархия представляет собой систему, с подчинением и взаимоотношением лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии - лицо, обладающее организационно-распорядительными функциями и безоговорочным авторитетом у носителей криминальной (воровской) идеологии, соблюдающих правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим.

Верховному Суду РФ следует дать нижестоящим судам разъяснения о том, что представляют собой такие явления, как воровская сходка, заимствуя данные понятия из грузинского законодательства:

«Воровская разборка. воровской сход» – сбор двух или более лиц, или сообщение между ними в любой форме (в том числе, посредством электронной коммуникации) в целях рассмотрения/разрешения вопросов, связанных с вступлением в члены или прекращением членства «воровского сообщества», изменения статуса или любых вопросов (в том числе, касающихся распоряжения финансовыми/материальными ресурсами), связанных с деятельностью «воровского сообщества»;

«воровская разборка» – оценка деяния лица членом «воровского сообщества»/ «вором в законе» или(и) рассмотрение/разрешение в любой форме (в том числе, посредством электронной коммуникации) спора с целью осуществления деятельности «воровского сообщества»

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы о проделанной работе и сформулировать предложения и практические рекомендации.

Предложен перечень вопросов, подлежащих установлению по уголовному делу о занятии высшего положения в преступной иерархии:

- факт отношения обвиняемого к преступной среде;
- наличие некоего преступного формирования с определенной иерархией;
- структуру иерархии, связи и функции в ней;
- сам факт занятия обвиняемым высшего положения в преступной иерархии;
- наличие управленческих и организационных решений лидера.

Акцентируется внимание на признаках преступного лидера:

- функциональные – выполнение лицом организационно-распорядительной, нормативной, судебной и карательной функций;
- статусные – присвоение лицу, в соответствии с правилами криминальной субкультуры, статуса вора в законе, положенца, смотрящего и др.;
- атрибутивные – наличие клички, татуировок, аксессуаров и т.п.

Обосновано, что Верховному Суду РФ необходимо дать разъяснения нижестоящим судам относительно обстоятельств определения некоторых конструктивных признаков, относящихся к деяниям, предусмотренным ст. 210¹ УК РФ (таких, как воровская сходка, воровская разборка), а также относительно назначения экспертизы и постановки вопросов перед экспертом по таким делам.

Предложено применять режим конфискации отечественному законодателю в отношении имущества лиц, обвиняемых по ст. 210¹ УК РФ, аналогичный тому, что предусмотрен в Грузии.

Предлагается разработать практические рекомендации органам внутренних дел по выявлению и закреплению следов преступления, предусмотренного ст. 210¹ КФ РФ. Учитывать различия в механизме следообразования занятия высшего положения в преступной иерархии в местах принудительного содержания и за их пределами. Максимально использовать возможности аудио- и видеозаписи при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Особое внимание уделять опросу и допросу очевидцев, потерпевших, как основному источнику информации о преступлении, предусмотренном ст. 210¹ УК РФ. Осуществлять контроль и анализ нелегальной переписки осужденных. Обращать внимание на характер татуировок на теле подозреваемого (обвиняемого) при его личном осмотре. Максимально использовать возможности взаимодействия органов внутренних дел с иными органами исполнительной власти (например, ФСИН РФ) в целях оперативного обмена информацией и документами. Осуществлять сбор следов преступления в как можно большем объеме, так как некоторые из них впоследствии могут быть признаны судом недопустимыми доказательствами. Не пренебрегать информацией из неофициальных источников информации, таких, как информация из Интернет-ресурсов.

На основании обобщения изложенного, считаем необходимым обратить внимание на то, что законодательство, регламентирующее криминалистические аспекты обеспечения выявления занятия высшего положения в преступной иерархии, а также практика его применения нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов / под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М). 2003. 990 с.
2. Агапов П.В., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 33 - 39.
3. Антонова Е.Ю. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как специальный субъект преступления // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде присяжных: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Е.Ю. Антонова, Е.В. Арцева, С.С. Безруков и др.; под ред. С.С. Безрукова, К.А. Волкова. - Хабаровск, 2017. С. 4-5.
4. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24.06.2021 № АПЛ21-200 // СПС КонсультантПлюс. 2021. - URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=44DB544363B5F15081960BD2AFD899B2&mode=splus&base=ARB&n=673256&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#3E5c7xSbZDSAScb7> (дата обращения: 11.02.2022).
5. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 22.11.2021 № 55-1604/2021 // СПС КонсультантПлюс. 2021. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=B3AB41406B7FEE9B06EF80523C824406&mode=splus&base=SOAS&n=27938&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#TR1h7xS8XNkN1xHv> (дата обращения: 11.02.2022).
6. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 14.12.2021 по делу № 55-665/2021 // СПС КонсультантПлюс.

2022. URL:
<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=B3C930FA3DA7643F5658436CD583263C&mode=splus&base=SOAS&n=28686&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#7yTg7xSACS1WibF9>
(дата обращения: 11.02.2022).

7. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 17.12.2021 по делу № 55-695/2021 // СПС КонсультантПлюс. 2021. URL:
<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=475F0B5C5A5565E2A77335BE8206B2CA&mode=splus&base=SOAS&n=27838&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#AdXf7xSjgG55tqVA>
(дата обращения: 11.02.2022).

8. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 по делу № 55-630/2021// СПС КонсультантПлюс. 2022. URL:
<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=743646540A9CE45102F4B93B4282C4B4&mode=splus&base=SOAS&n=24079&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#Cf7j7xSCmyJLiouP1>
(дата обращения: 11.02.2022).

9. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.11.2021 № 55-783/2021 // СПС КонсультантПлюс. 2021. URL:
<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=D06E0F0BB6E52B5FF48A08D61F6E8F0B&mode=splus&base=SOAS&n=27775&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#U1Bd7xSFEAIFTeyR>
(дата обращения: 11.02.2022).

10. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 24.01.2022 по делу № 55-3/2022 // СПС КонсультантПлюс. 2022. URL:
<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2C8A7BA9A89D23>

1EA1EF110F2181FDEB&mode=fullplus&SORTTYPE=0&BASENODE=32941
-
23&ts=vi9kTxS1tpGVzwiN&base=SOAS&n=29173&rnd=2D7F16563EC330BFF
B06C8D134FEE754#aO7ITxScThX1H84D1 (дата обращения: 15.02.2022).

11. Апелляционное постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 30.12.2020 г. № 22к-893/2020 // СПС КонсультантПлюс. 2022. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=D2FECA681A10F7368A0AB96DC36A8222&mode=splus&base=AOSK&n=2329467&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#2Adf7xSYWwkXpвO5> (дата обращения: 11.02.2022).

12. Апелляционное постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 30.12.2020 № 22к-918/2020 // СПС КонсультантПлюс. 2022. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=B7D91A5000C1E82B4C37384D6321521C&mode=splus&base=AOSK&n=2329465&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#Inlf7xSvsAyurFsK> (дата обращения: 11.02.2022).

13. Апелляционный приговор Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 г. № 55-357/2021 // СПС КонсультантПлюс. 2022. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=7309F89AAEE4F00E674C896E45260412&mode=splus&base=SOAS&n=20635&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#DmXZ7xS6TvzGxqoa2> (дата обращения: 11.02.2022).

14. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Проблемные вопросы доказывания статуса «вора в законе» у обвиняемого при расследовании преступлений // Закон и право. 2019. № 6. С. 140-142.

15. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М., 2013. С. 350; Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица,

занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 182-184.

16. Баринов С.В. Содержание и особенности проведения тактической операции «задержание с поличным» по делам о преступных нарушениях неприкосновенности частной жизни // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 222 - 229.

17. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2021. 640 с.

18. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 3. М. : Юристъ, 1997. 480 с.

19. Большой энциклопедический словарь. Gufo.me (сайт) // <https://gufo.me/dict/> (дата обращения: 07.01.2022).

20. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2020. 716 с.

21. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск: Вышэйш. шк., 1983. 215 с.

22. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ (сайт) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 06.12.2021 г.).

23. Жук О.Д. Сравнительно-правовые аспекты внедрения штатных негласных сотрудников в организованные преступные формирования // Российский следователь. 2017. № 17. С. 46 - 51.

24. Закон Грузии № 2354 от 20 декабря 2005 г. «Об организованной преступности и рэкете» (контрольный текст по состоянию на 18.04.2018 № 2150). Законодательный вестник Грузии (сайт) // <https://matsne.gov.ge/mdocumentviewv/27814> (дата обращения: 06.02.2022).

25. Законопроект Президента РФ по борьбе с оргпреступностью. Государственная Дума (сайт) // <http://duma.gov.ru/news/30018/> (дата

обращения: 16.03.2022 г.); Защита населения от организованной преступности. МВД РФ (сайт) // <https://мвд.рф/folder/1149122> (дата обращения: 16.03.2022 г.).

26. Зникин В.К., Кондратьев М.В. Организационно-правовые и прикладные аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3 (44). С. 122-140.

27. Зубков Е.А. Возможные ограничения при ответе на вопрос о принадлежности к «ворам в законе» // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 1191-1201.

28. Идеиные воры – фанатики, и в этом их сила. Виктория Гефтер об отказниках от воровского титула. Прайм Крайм (сайт) // https://www.primecrime.ru/news/2021-05-15_7719/ (дата обращения: 14.02.2022).

29. Информация по уголовному делу № 2-0016/2020. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы (сайт) // <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 14.12.2021).

30. Ишигеев В.С., Лапша В.Л. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 2101 УК РФ): вопросы квалификации // Российский судья. 2020. № 6. С. 33-35.

31. Ишигеев В.С., Смолькова И.В., Пузикова А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии как объект криминалистического исследования // Российский следователь. 2020. № 11. С. 45-48.

32. Как вор в законе может отречься от своего статуса. Русская семерка (сайт) // <https://russian7.ru/post/kak-vor-v-zakone-mozhet-otrechsya-ot-svoe/> (дата обращения: 14.02.2022).

33. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2021 № 77-866/2021 // СПС КонсультантПлюс. 2021.

URL:

<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=05CF3BFE1C9C20C3785803250717B7D5&mode=splus&base=KSOJ002&n=35698&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#qSRb7xSodOhobQLU1> (дата обращения: 11.02.2022). URL: (дата обращения: 11.02.2022).

34. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 2 (55). С. 175-179.

35. Козловский П.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для производства следственных действий // Российский следователь. 2019. № 10. С. 40-43.

36. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 816 с.

37. Кондратюк С.В. Аспекты противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии: судебно-психологическая экспертиза // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2021. С. 173-177.

38. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 51-58.

39. Кондратюк С.В., Агапов П.В., Сальников Н.В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3(30). С. 49-55.

40. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии и его профилактика // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 2. № 4 (100). С. 69-75.

41. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8. С. 49-53.

42. Кондратюк С.В. Информационные источники следственной и судебной профилактики преступного занятия высшего положения в преступной иерархии // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27.01.2021 г.). Издательство: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации» (Москва). С. 303-308.

43. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (44). С. 24-30.

44. Кондратюк С.В. Криминологическая профилактика занятия высшего положения в преступной иерархии // Криминологические чтения: сборник материалов XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Прокуратуры России / науч. ред. Э.Л. Раднаева; отв. ред. Н. С. Маркова. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. Т. 1. С. 258-264.

45. Кондратюк С.В. Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: концептуальный подход // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 10. С. 88-94.

46. Кондратюк С.В. Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: культурологический аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. 2021. № 4. С. 19-25.

47. Кондратюк С.В. Признаки субъекта ответственности за преступление, предусмотренное статьей 2101 УК РФ // Реакция государства на

преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности: сборник материалов круглого стола / под ред. В.К. Дуюнова, Р.В. Закомолдина. Самара: САМАРАМА, 2020. С. 97-101.

48. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 193-199.

49. Кондратюк С.В. Судебно-психологическая экспертиза в расследовании преступного лидерства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (43). С. 5-9.

50. Кондратюк С.В. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (46). С. 26-35.

51. Криминалистика: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. доктора юридических наук, профессора Е.П. Ищенко М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2010. 748 с.

52. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общ. ред. А.Г. Филиппова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 855 с.

53. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 781 с.

54. Криминалистика: учебник / Чельшева О.В., Сотников К.И., Лутошкин Г.Ю. и др.; под общей редакцией Чельшевой О.В.; МВД России, Санкт-Петербургский университет. СПб. : Р-КОПИ, 2017. 579 с.

55. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений: Учебное пособие в 2-х частях. Ч. 2 / под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной. - М. : ИМЦ ГУК МВД России. 2006. 232 с.

56. Маматов В.Г., Петров С.П. О правомерности проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий // Российский следователь. 2019. № 4. С. 63-66.

57. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: учебное пособие для среднего профессионального образования. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 323 с.

58. Маслов А.А., Бабушкин А.А., Белых-Силаев Д.В. Основные направления совместных научных исследований МВД России и ФСИН России в сфере оперативно-розыскной деятельности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 5. С. 3-9.

59. Милинчук В.В. Транснациональная преступность и связанные с ней субъекты как потенциальная угроза криминальной деформации государства: опыт Афганистана // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 1. С. 21-25.

60. Медведев Е.В. Функциональные и содержательные различия наказания и иных мер уголовно-правового характера // Адвокатская практика. 2021. № 4. С. 45-50.

61. Меркурьев В.В., Агапов П.В., Кондратюк С.В., Тарасов В.Ю. Преступное лидерство: опыт социологического исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 18-29.

62. Молчанова Т.В., Гаджимурадов Ш.А. Статистическое измерение преступлений, совершенных организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 51-56.

63. Мондохонов А.Н. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2019. № 3. С. 53-58.

64. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. - Gufo.me (сайт) // <https://gufo.me/dict/> (дата обращения: 07.01.2022).

65. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.08.2021 г. № 77-2869/2021 // СПС КонсультантПлюс. 2021. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=E410B60E9B6BDE075D042323F2D5182C&mode=splus&base=KSOJ001&n=57215&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#8wcb7xSMWaiTelzc> (дата обращения: 11.02.2022).

66. Определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.09.2021 по делу № 55-614/2021 // СПС КонсультантПлюс. 2022. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=76B2B1659512C681F17B4EF3B6D7E6D9&mode=splus&base=SOAS&n=25124&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#Y0gh7xSvnZwEyXL9> (дата обращения: 11.02.2022).

67. Письмо ФССП России от 18.09.2014 № 00043/14/56151-ВВ «О Методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов»). Утв. ФССП России 15.09.2014 № 0004/22 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2014. № 11.

68. Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2014 г. по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 5554 08). Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № II // СПС КонсультантПлюс. 2021. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fZwj5xScTtYHMMzv&cacheid=B1CDB3D1695D5DA561C6A8FB3D10B0D4&mode=splus&base=ARB&n=671252&rnd=2D7F16563EC330BFFB06C8D134FEE754#zlbk7xSguEKyxr9q> (дата обращения: 11.02.2022).

69. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. № 277.

70. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. 576 с.

71. Семенцов В.А. О недопустимости использования в доказывании сведений, полученных при негласном опросе подозреваемого, обвиняемого // Уголовное право. 2018. № 4. С. 118-121.

72. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7. С. 104-119.

73. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 2101 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144-152.

74. Тищенко Ю.Ю., Бошно С.В. Особенности получения оперативными подразделениями УИС первичной информации о противоправных деяниях, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 5. С. 21-24.

75. Толковый словарь Ушакова; Этимологический словарь Семенова; Толковый словарь Кузнецова; Толковый словарь Ефремовой. Gufo.me (сайт) // <https://gufo.me/dict/> (дата обращения: 07.01.2022).

76. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022) // Российская газета. 2001. № 249.

77. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

78. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. И. Н. Зубова и В. В. Николука. М., 2003. С. 52.

79. Федеральный закон от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. № 209.

80. Федотова А.В. Грузинский опыт в борьбе с «ворами в законе» // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 5. С. 20-23.

81. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 48.

82. Хорошева А.Е. Уголовные дела о насильственных преступлениях экстремистской направленности как объект криминалистического исследования // Российский следователь. 2018. № 9. С. 20-24.

83. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 36.

84. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110-123.

85. Шмыков В. И. Психология в юридической практике - когнитивные аспекты допроса (опроса) // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 495-501.

86. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907 / Словарь иностранных слов русского языка. Gufo.me (сайт) // <https://gufo.me/dict/> (дата обращения: 07.01.2022).

87. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85-90.